

УДК 1:316.6

РИЗОМА КАК ГЕНДЕРНАЯ ДИСПОЗИЦИЯ ПОСТМОДЕРНА

Л.М. Богатова

Аннотация

В статье рассматривается преферентная гендерная диспозиция, сложившаяся в современной социокультурной ситуации, которая, по логике автора, может быть определена как гендерная ризома. Автор анализирует основные характерологические особенности ризоматических изменений гендерных отношений в ситуации постмодерна.

На заре нового XXI столетия культура вышла на финишную прямую в долгом марафоне затяжного кризиса, который, по некоторым неутешительным оценкам, может закончиться для нее весьма печально, а именно, окончательным «онтологическим завершением». В этом отношении уже приводимая ранее мысль М. Фуко о том, что при смене диспозиций культуры «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке», может быть расценена не только в качестве выразительной метафоры, очень точно передающей состояние обреченности и безысходности человека в ситуации постмодерна, но и в качестве концептуальной оценки, перемен, происходящих с современным человеком, оказавшимся на рубеже веков в своеобразном антропологическом тупике.

В результате охвативших западный мир деструктивных процессов совершается грандиозный по размаху демонтаж самих оснований современной культуры. На смену упорядоченному и организованному социуму приходит совершенно иной тип – плюралистичный и фрагментарный, не поддающийся никаким «тотализирующим дискурсам» (Ж. Делез), тип, в котором над единообразием и стабильностью берут вверх различия и подвижность, над устойчивостью – изменчивость. Основными характеристиками современной культуры становятся децентрация и дискретность, в постмодернистском контексте теряют смысл всякие бинарные оппозиции и иерархические конструкции, исчезает императивно-ценностный универсализм, утрачивают значение организующие принципы, сохраняющие целостность структуры, нарастают дезинтеграция и неопределенность, порядок погружается в хаос. По оценке Ж. Бодрийера, это «культура избытка», которая характеризуется перенасыщенностью значений и нехваткой оценочных суждений. Культура постмодерна объективно порождает принципиально иную «концепцию человека», а следовательно, не будет заблуждением утверждать, что и пола.

Кардинальные изменения атмосферы современной эпохи и обустройство «нового сценического пространства» [1, с. 317] вывели на авансцену западной культуры в качестве основного действующего лица тип человека, который Х. Ортега-и-Гассет назвал «новой породой людей» [1, с. 315]. Являясь средоточием постмодернистских инноваций и испытывая на себе в полной мере натиск происходящих перемен, современный человек невольно стал эпицентром процесса, который, на наш взгляд, представляется возможным обозначить «гендерная ризома».

Термин «ризомы», который был заимствован из ботаники, где он означает определенный способ роста растений, отличный как от разветвления стеблей от единого корня, так и от «пучкообразного», был введен в философский обиход Ж. Делезом и Ф. Гваттари в их совместной работе «Кафка» (1975 г.). Ризома – это принципиально иной способ роста, беспорядочное распространение множественности, движение, не имеющее какого-либо преобладающего направления, а идущее хаотично в разные стороны, вверх, вниз, вперед, назад, без какой-либо регулярности и строгой последовательности, дающей возможность предвосхитить следующие этапы движения. Ризома – это состояние полного беспорядка, близкого к хаосу. По мнению известных теоретиков постмодернизма, ризома представляет собой наиболее яркую и точную метафору современной культуры с ее отрицанием упорядоченности и отсутствием синхронной организованности пространства.

Гендерная ризома – это особый тип преобразований характера половой дифференциации, которые разворачиваются в направлении беспорядочного нарастания плюралистичности и неопределенности в системе бинарной оппозиции «мужчина – женщина», сопровождаются сглаживанием, размыванием резких границ между феминными и маскулинными гендерными полоролевыми стереотипами, закрепленных культурой в качестве противоположных, взаимоисключающих, крайних полюсов. Ризоматические изменения гендерных отношений представляют собой многослойный, интегративный по внутреннему содержанию процесс, который складывается из ряда составляющих, образующих в органическом единстве целостное, уникальное социокультурное явление. Среди наиболее существенных, взаимодополняющих, характерных признаков гендерной ризомы представляется необходимым указать на следующие.

Во-первых, для постмодернистского состояния культуры характерно непрерывное нарастание тенденций, ведущих к *нивелированию*, сглаживанию и постепенному упразднению всяческих *бинарных оппозиций*, в том числе и в сфере отношений между полами. Впервые за всю многовековую историю развития западная культура оказалась в ситуации, когда полоролевые различия между мужчиной и женщиной, характерные для ментальности всех без исключения предыдущих эпох, утрачивают особый смысл и значение. Контрастные, полярные гендерные формы в нарастающем социальном хаосе уступают место многообразным промежуточным, переходным модификациям, являющимся результатом синтезов и интеграций полоролевых структур феминного и маскулинного типа. Возникают самые неожиданные гендерные сочетания, которые отражают тот реальный факт, что и мужчины, и женщины активно осваивают «роли» друг друга, имеющие в прошлом строгую, однозначную типологиче-

скую категоризацию. Элизабет Бадинтер по данному поводу совершенно справедливо замечает: «Новый уклад жизни ведет к возникновению новых психологических и социальных характеристик обоих полов. И мужчины, и женщины стремятся сегодня к реализации «второй половины» своей природы, которую их веками учили подавлять. В результате происходит смешение мужских и женских качеств, отрицание неравенства полов и их строго взаимодополняющего характера» [2, с. 16].

В этом отношении важнейшей составляющей ризоматических изменений половой дифференциации выступает инициированная эмансипацией гендерная конвергенция – сближение мужского и женского полов, их движение навстречу друг другу, в результате чего происходит радикальная пермутация «гендерного текста» культуры, т. е. качественная реструктуризация полоролевых функций в системе традиционно-патриархального доминирования мужчины над женщиной. Кардинальная смена феминных и маскулинных полоролевых стереотипов в сфере гендерных отношений, а также бурно развернувшиеся процессы массовой феминизации мужчин и маскулинизации женщин оказывают существенное влияние на принципиальное изменение гендерной диспозиции культуры постмодерна. Крушение складывающихся веками и ставших традиционными представлений о «мужественности» и «женственности», рыхлость гендерной структуры, в которой отсутствует четкая определенность различий между полами, все глубже втягивают западную культуру в беспрецедентное состояние «гендерного коллапса», что чревато окончательным уничтожением дихотомической различности человека на «мужчину» и «женщину».

Во-вторых, размывание четких границ в бинарной оппозиции полов неизбежно сопровождается погружением гендерной структуры в состояние непрерывно нарастающей *аморфности*. Дело в том, что в развитии современной культуры все более явно обозначилась тревожная тенденция преобладания «беспорядка» над «порядком», наблюдается исчезновение универсальных объединяющих принципов, сохраняющих целостность структуры, что в конечном итоге – рано или поздно – может опрокинуть систему в состояние, названное в синергетике диссипативным, которое сопряжено с полной неопределенностью, близкой к абсолютному хаосу. В полной мере отражая катаклизмы, вызванные приближением социальных систем к нестабильному, неравновесному состоянию, полоролевые структуры, наряду с другими, оказались втянутыми в водоворот всеобщего «Аморфона» – так в свое время Ф. Шеллинг обозначил «первозданный Хаос», тотальный беспорядок, полностью противоположный упорядоченному Космосу. Характерные для постмодерна зыбкость и текучесть в оценках половой принадлежности, потеря четких критериев, образующих общепринятую систему координат для фиксации полоролевой определенности, оборачиваются не только разрыхлением гендерной структуры, приведением ее в диффузное состояние, но и подтачивают сами основы половой дифференциации. По мнению ряда исследователей, западная культура вплотную подошла к рубежу, когда представления о «мужчине» и «женщине» становятся расплывчатыми, неопределенными, «искусственно сконструированными». Так, Ш. Берн, известный специалист в области гендерной психологии, недвусмысленно замечает: «Я считаю, что следует ценить качества, связанные с тем и

другим гендером, но никак не гендерные различия. Мы, естественно, должны ценить некоторые качества, которые в прошлом считались мужскими или женскими, но при этом не следует считать, что человек непременно должен принадлежать к определенному полу, чтобы обладать ими» [3, с. 119–120].

Предвкушая очарование надвигающегося хаоса, наиболее радикально настроенные аналитики пытаются концептуально осмыслить перерождение гендерной парадигмы постмодерна, в связи с чем выстраивают самые смелые проекты, превращающие мир из «театра» в лучшем случае в «маскарад», а в худшем – в «балаган». В этом отношении весьма симптоматично появление одной из самых популярных сегодня в потоке гендерных исследований «квир-теории», согласно которой личность по своему усмотрению, без всякого давления извне может выбирать себе половую социокультурную роль и решать, кем ей быть: «мужчиной» или «женщиной». По мнению сторонников квир-теории, выбор пола должен зависеть исключительно от желания и внутреннего самоощущения самого человека, а не от стандартов и нормативов, заданных культурой. Идейные лидеры этого направления – Тереза Лауретис, Элизабет Гросс и Ив Кософски Сэджвик – полагают, что, подобно гендеру, «квир» – не объективная природная данность, раз и навсегда характеризующая человека, а «перформанс» – театрализованное представление, которое создается и существует только в процессе действия. «Квирнесс», или «инаковость», позволяет избегать жесткой категоризации людей по их сексуальным ориентациям. Это понятие подчеркивает момент незафиксированности сексуальной идентичности. «Квир» – это апофеоз человеческой свободы, быть «квир» – значит быть кем хочешь, можно ощущать себя кем угодно, присваивать себе любые «роли» в зависимости от настроения, желания, ситуации, жизненных обстоятельств. Представители «квир-теории» считают, что человек вправе отрицать как нормативную гетеросексуальность, так и гомосексуальность, поскольку все гендеры и все сексуальные ориентации равноценны и равнозначны. Обращая внимание на абсолютную свободу личности в выборе своей половой идентичности, американская феминистка Джудит Батлер категорично утверждает: «Квир не есть особая сущность, это то, что человек из себя делает»¹.

Не забывая, что теория не только опережает, но и воспроизводит, отражает практику, нетрудно догадаться, в какой степени может быть катализирован эффект гендерной ризомы, если западный мир действительно возьмет «квир-теорию» на вооружение. Тем более, что уже имеются яркие симптомы того, что «квир-теория» остается не только на страницах научных изданий, но и проникает в реалии жизни, принимая шокирующие, экстравагантные формы. Одной из таких демонстраций, к примеру, являются так называемые «унисексуалы», которые практикуют такое смешение мужского и женского стилей в манере одеваться, что их внешний вид у окружающих вызывает крайнее недоумение относительно их половой принадлежности. В этом отношении совершенно прав И.С. Кон, вынося беспристрастную оценку новомодной «квир-теории»: «Вышколенному позитивистскому разуму эти эксцентричные теории кажутся

¹ Разъясняя данный тезис в своей работе «Гендерное беспокойство», Джудит Батлер пишет: «Не существует гендерной идентичности до и помимо проявлений гендера; эта идентичность перформативно конституируется теми ее «проявлениями», которые считаются результатами ее существования».

странными, тем более что зачастую они излагаются в высшей степени трудным, заумным языком. Но это – естественный продукт постмодернизма, исходным пунктом которого является не порядок, а хаос, а объективную реальность заменяют разные формы дискурса» [4, с. 103].

В-третьих, неотъемлемой составляющей гендерных ризоматических изменений в ситуации постмодерна является высокая степень *плюральности* в сфере сексуальных отношений. Стремительное нарастание центробежных тенденций и углубление процессов децентрализации и дезинтеграции, определивших раздробление системной целостности современной культуры на многочисленные отдельные субкультуры, в рамках которых происходит «свободная игра» внутренних элементов, порождающих пеструю мозаику разнообразия, неизбежно отразились на характере преобразований взаимоотношений между полами. Нынешний этап в историческом развитии западной культуры представляет собой качественно новый рубеж в легализации, буквально уравнивании в правах всего богатейшего спектра разнообразных сексуальных пристрастий, которыми природа в широчайшей палитре предпочтений щедро наделила человека.

Ранее уже отмечалось, что человеческая сексуальность представляет собой уникальное явление во многих отношениях, в том числе и с точки зрения предпочтения партнерства. Объектом сексуального интереса у человека, в отличие от многих представителей природы, может выступать не только представитель противоположного пола. Наряду с гетерогенной сексуальной ориентацией, человеку по неясным до сих пор современной науке причинам присущ интерес к представителям своего пола, т. е. гомосексуальные ориентации в широком спектре их разнообразия. Не секрет, что отношение к «неназываемому пороку» на всем протяжении истории, всегда было не только резко отрицательным, но и откровенно репрессивным. Европейская культура, взросшая на духовных ценностях христианской идеологии, крайне жестко, с применением суровых карательных санкций относилась к гомосексуальным связям, расценивая «непродуктивные» формы соития, не ведущие к богоугодному делу деторождения, как греховные, порочные, грязные, постыдные и недостойные человека.

Однако процессы демократизации и либерализации, охватившие культуру в XX веке, реальное утверждение прав и свобод личности на самовыражение, а также интенсивные междисциплинарные исследования природы гомосексуальности и рост популярности психоаналитических методов изучения психосексуальных личностных состояний во многом предопределили позитивные сдвиги в общественном сознании в отношении лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Европейская культура, взяв на вооружение принципы толерантности и уважения суверенитета каждой личности, кардинально изменила свое отношение к тому, что она так долго и настойчиво определяла как «извращение». Резко критические, категоричные оценки, выносимые, как правило, в брезгливо-пренебрежительной манере, постепенно стали уступать место более сдержанным, рассудительным и спокойным. И сегодня без преувеличения можно сказать, что западный мир вплотную приблизился к достижению максимально возможного плюрализма в одном из самых интимных «срезов» человеческих взаимоотношений.

Действительно, никогда ранее, ни на одном из всех предыдущих этапов европейской истории не наблюдалось такого разнообразия сексуальных субкультур, никогда прежде в одном ряду с гетеросексуальными отношениями, единственно санкционированными культурой, не сосуществовали на равных гомосексуальные. Только по мере погружения в состояние постмодерна западная культура, разрушая привычные гендерные стереотипы и упраздняя любые демаркации в сфере половых различий, впервые за всю историю своего существования «впустила» в свои пространства многочисленные, как оказалось, «сексуальные меньшинства», перестав относиться к ним как к изгоям. В настоящее время на вполне легальных основаниях существуют различные объединения, союзы, партии, движения, открыто выражающие и отстаивающие права и интересы представителей «гей-лесби-меньшинств». В ряде европейских стран приняты законопроекты о легализации однополых браков¹.

С середины 1980-х годов значительно активизировались так называемые лесбигеевские теоретические исследования. Причем если раньше геи и лесбиянки были преимущественно объектами изучения, то теперь они стали субъектами автономного научного дискурса, а «гей-лесби-исследования» (gay and lesbian studies) превратились в самостоятельную и быстро растущую область знания. Широко развернулась индустрия лесбигеевской поп-культуры, появляются новомодные, эпатажирующие публику стили и жанры в современном кинематографе, театре, литературе, которые в откровенной манере обращаются к теме социально-психологической адаптации и самореализации гомосексуалистов в мире, который, несмотря ни на что, все еще не понимает, не принимает их и относится к ним с предубеждением.

Выйдя «из подполья», сексуальные меньшинства значительно обогатили своим присутствием гендерный интерьер постмодерна и существенно дополнили общую картину инвариантного разнообразия в сфере сексуальных отношений. Отказ постмодерна от стандартизированного психосексуального единообразия, подчиненного строгим организующим принципам, и стремление к максимальному полоролевому плюрализму стирают и без того зыбкую грань между «нормой» и «половой абберацией», уравнивают между собой абсолютно любые сексуальные ориентации, признавая каждую из них равноценной и равнозначной. В этом отношении весьма примечательно появление в феминистских исследованиях иллюстративных образов, которые наглядно выражают устремленность западной культуры к многомерности и многополярности в сексуальной сфере. Так, обращая внимание на постмодернистские предпочтения к неупорядоченному многообразию самовыражений, Ш. Берн, в частности, пишет: «Идея «плавильной печи», которой является культура, где происходит «переплавка» женщин в мужчин, и наоборот, уже вышла из моды. Вместо метафоры «плавильной печи» появилась метафора «салатницы», которая отражает, что

---

¹ Первой европейской страной, которая в 1989 году узаконила однополые браки, была Дания. Затем ее примеру последовали Норвегия (1993 г.), Швеция (1994 г.), Голландия (2000 г.), Бельгия (2002 г.), Германия (2002 г.), Канада (2005 г.). Первый однополый брак в Испании был зарегистрирован в 2007 году, что, правда, вызвало шквал протеста со стороны католической общественности. Первые шаги к принятию законопроекта об однополых браках предпринимаются сейчас в Израиле. Бурные дебаты по вопросу легализации однополых браков в настоящее время идут во Франции и США, где из 50 штатов гей-лесбийские союзы получили юридическую санкцию пока только в одном – Массачусетс.

разные сексуальные субкультуры могут смешиваться, сохраняя при этом свой уникальный вкус. Модель культуры как «салатницы» поддерживает и ценит сексуальное разнообразие» [3, с. 120].

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно заключить, что гендерная ризома, будучи неким «триединством» процессов, коренным образом преобразующих характер и структуру половой дифференциации, представляет собой далеко не однозначное социокультурное явление. При всех позитивных сдвигах, являющихся результатом устремленности современной культуры к многомерности и полифоничности и создающих эффект объемности культурного пространства, а также готовности принять все многоцветье самых разных субкультур, и не только сексуальных, ризоматические изменения таят в себе серьезные опасности для будущего как человека, так и культуры в целом. Образно говоря, гендерная ризома – это мина замедленного действия. Проникая в сферу половых отношений, гендерная ризома вызывает лавинообразное нарастание неупорядоченной множественности сексуально-полового разнообразия, размывает всякие границы полоролевой определенности, разрушает традиционную гендерную структуру до крайних степеней аморфности, что в конечном итоге чревато окончательным разрушением половой дифференциации. В атмосфере непрерывно нарастающего хаоса существование человека в раздвоенности на «мужчину» и «женщину» ставится под серьезное сомнение. Более того, постмодернистские инновации трансформируют и деформируют пол столь разительно, что превращают его в мнимую, фантомную форму, апогеем которой, на наш взгляд, выступает «*квази-пол*».

Перерождение пола в квази-пол отражает общую стратегию постмодерна, пространства которого заполнены иллюзорными, «поддельными» формами, названные Ж. Бодрийяром «симулякрами», т. е. «копиями, оригинал которых никогда не существовал». *Квази-пол* – это тоже своего рода симулякр, псевдоформа, своеобразная «игра в пол», в половую различенность, которая ведется вне всяких правил. Будучи вовлеченным в фантазмагорию «гендерного перформанса» – этого театрализованного представления, создающего коллаж полоролевых стилей, пол неизбежно подвергается серьезной эрозии и обретает эфемерную форму, которая лишь имитирует, раздражительно копирует половые различия между «мужчиной» и «женщиной». Замещенный *квази-полом*, пол рискует исчезнуть окончательно в качестве атрибутивной антропологической инстанции, превратиться в фикцию.

Квази-пол – конструкт социокультурного порядка, который отражает потребительское отношение к сексуальности современного человека. Являясь порождением постмодерна, его своеобразным детищем, *квази-пол* замыкает на себя одну из основных установок современной западной культуры на «получение удовольствий». В мире, напоминающем своеобразное «sex реалити-шоу», все более явно проявляются тенденции превалирования «телесности» над «духовностью», что превращает жизнь человека в бесконечный поток сексуально-эротических впечатлений, вытесняющих из его сознания все остальное. Соматизация удовольствий и утилитарно-гедонистическое отношение к сексуальности неизбежно делают из человека, по выражению Ж. Делеза, «машину наслаждения, лишенную всякой субъективности». *Квази-пол* в определенном смысле

ненасытен и нацелен исключительно на получение сексуально-эротических удовольствий. При этом для его обладателя другой человек не представляет особого интереса – самоценна лишь голая эротика, лишь само «желание» и возможность его удовлетворения имеют смысл и значение. Обращая внимание на то обстоятельство, что в «сценическом пространстве» постмодерна разыгрываются отнюдь не драмы, полные шекспировских страстей, а, скорее, пошлые водевили с обезличенными персонажами – «он» и «она», Э. Фромм писал: «Любовь как взаимное сексуальное удовлетворение или любовь как «слаженная работа» и убежище от одиночества – это нормальные формы псевдо-любви в современном западном обществе, социальные модели патологии любви» [5, с. 113]. По всем характеристикам *квизи-пол* как «потребляющий удовольствия» является альтерацией или полной противоположностью не только тому, что Н.А. Бердяев в свое время назвал «творческим полом» – созидающим, буквально творящим истинную андрогинистическую бытийственность, который является «новым рождением, принятием внутрь себя всей природы, подлинным раскрытием микрокосмичности человека» [6, с. 188], но и «рождающему полу», т. е. «дифференцированному, распавшемуся полу, который становится *источником раздора* в мире и мучительно-безысходной жажды соединения» [6, с. 184]. *Квизи-пол* – это своего рода гримаса постмодерна. Современная культура, охваченная гендерной ризомой, породила «пустоцвет» – «не производящий», а «потребляющий» пол. Несмотря на эротическое напряжение и высокий тонус в желаниях, *квизи-пол* как социокультурная инстанция бесплоден. Единственное, что он способен произвести, – это еще одна форма «лже-бытия», для преодоления которой понадобится невероятное напряжение духовных сил тем, кто претендует непременно стать «мужчинами» и «женщинами» по меркам, заданным современной культурой. В этом отношении как наставление и обращение к будущим поколениям звучат слова Х. Ортеги-и-Гассета: «Растущая цивилизация – не что иное, как жгучая проблема. Чем больше достижений, тем в большей они опасности. Чем лучше жизнь, тем она сложнее. Разумеется, с усложнением самих проблем усложняются и средства для их разрешения. Но каждое новое поколение должно овладеть ими во всей полноте» [1, с. 329].

Summary

L.M. Bogatova. Rhizome in situation of postmodern.

The preferable gender disposition formed at the contemporary socio-cultural situation which by the author's logic could be determined as a rhizome is to consider in the article. The author analyzes the main characterologic features of the rhizomatic changes of gender relations in the postmodern situation.

Литература

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 309–350.
2. *Бадинтер Э.* // Курьер ЮНЕСКО. –1989. – № 4. – С. 20–34.
3. *Берн Ш.* Гендерная психология. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 320 с.

-
4. *Кон И.С.* Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. – М.: Олимп, АСТ, 1998. – 496 с.
  5. *Фромм Э.* Искусство любить. Исследование природы любви. – М.: Педагогика, 1990. – 157 с.
  6. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. – 542 с.

Поступила в редакцию
11.09.07

Богатова Лариса Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Татарского гуманитарно-педагогического университета, г. Казань.